

СУДЪ ОБЩЕСТВА ОФИЦЕРОВЪ ВЪ РУССКОЙ АРМИИ.

(Историческій очеркъ).

Въ обществѣ и въ печати за послѣднее время проявляется большой интересъ къ судамъ общества офицеровъ. Предположенныя Военнымъ Министерствомъ измѣненія дѣйствующаго «Положенія» объ этихъ судахъ вызываютъ крайне разнообразныя сужденія—и о самой идеѣ офицерскихъ судовъ чести, и о способахъ ихъ функционирования. Надлежащая оцѣнка того или другого учрежденія, по нашему глубокому убѣжденію, должна покоиться на знакомствѣ съ его историческимъ развитіемъ, такъ какъ лишь при этомъ возможно отдать себѣ полный и ясный отчетъ въ томъ, насколько данный институтъ соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ; насколько онъ изжилъ самого себя и въ какихъ преобразованіяхъ онъ нуждается. Между тѣмъ у насъ въ военной литературѣ совершенно не имѣется сколько нибудь цѣльнаго и полного очерка по исторіи нашего суда общества офицеровъ, что и побуждаетъ насъ предложить вниманію читателей настоящую статью.

Обязанность охраненія достоинства военной службы и воинской чести была впервые возложена на общество офицеровъ еще основателемъ русской регулярной арміи—Петромъ Великимъ. Указомъ 25-го іюля 1721 года было повелѣно: «если гдѣ въ полевыхъ и гарнизонныхъ полкахъ явится офицеръ, которому за шумствомъ и другими непорядочными поступками въ службѣ быть невозмож-

но, и такихъ свидѣтельствовать всѣмъ того полка штабъ и оберъ-офицерамъ по совѣсти и подь присягою, и такія свидѣтельства заручить имъ, обстоятельно описывая ихъ шумство и другіе непотребныя поступки, и потомъ каждому аншефу такое подлинное свидѣтельство при своемъ донесеніи представлять для рѣшенія въ Военную Коллегію» (1 Полн. Соб. Зак., т. VII, № 3807).

Приведеннымъ указомъ было предоставлено обществу офицеровъ cadaго полка выразить свое мнѣніе о поведеніи своихъ товарищей; это право было предоставлено всему офицерскому обществу; свидѣтельство могло быть представлено и въ отношеніи штабъ-офицеровъ, такъ какъ въ указѣ никакихъ изытій не установлено. Хотя окончательное рѣшеніе вопроса принадлежало военной коллегіи, но все же права, предоставленныя указомъ 1721 г. обществу офицеровъ, являются довольно значительными. Объемъ этихъ правъ находился въ тѣснѣйшей связи съ большимъ довѣріемъ къ офицерской корпораціи, ярко выраженнымъ какъ въ военномъ законодательствѣ Петра Великаго, такъ и его ближайшихъ преемниковъ. Офицерской корпораціи принадлежалъ рѣшительный голосъ во многихъ военно-административныхъ вопросахъ въ теченіе всего XVIII вѣка и въ Александровскую эпоху. Законодатель, видимо, желалъ участіемъ офицерскаго общества создать извѣстный коррективъ къ обширной власти командировъ полковъ, нѣкоторую гарантію для законосообразнаго пользованія со стороны ихъ этою властью, немаловажную помѣху при желаніи совершить злоупотребленіе.

Такое довѣріе къ офицерской корпораціи тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно въ такихъ размѣрахъ не было оказываемо ни въ иностранныхъ арміяхъ того времени, ни у насъ въ послѣдующее время; нельзя при этомъ не замѣтить, что ни умственное, ни нравственное развитіе русскихъ офицеровъ Петровскаго времени не стояло на надлежащей высотѣ. Цѣлый рядъ законодательныхъ постановленій свидѣлствуетъ о подобномъ довѣріи: указъ 1714 года устанавливаетъ производство въ слѣдующіе чины штабъ и оберъ-офицеровъ не иначе, какъ по свидѣтельству первыхъ— «всеі дивизіи генералитета и штабъ-офицеровъ», а вторыхъ— штабъ и оберъ-офицеровъ одного съ ними полка. Дальнѣйшими указами 1-го января и 24-го іюля 1719 г., 3-го апрѣля 1720 г. и 22-го февраля 1722 г. вводится баллотированіе офицеровъ на вакансіи въ чины, и этотъ порядокъ предписывается къ неуклонному исполненію подь угрозой строгихъ наказаній. О томъ же баллотированіи

говорять указы 5-го февраля 1731 г., 1-го ноября 1733 г., 2-го августа 1736 г. и 3-го ноября 1740 г. Дѣйствіе этихъ указовъ приостанавливалось лишь иногда въ военное время. Указанное право офицеровъ по баллотированію товарищей въ чины исчезаетъ въ нашей арміи только ко времени Императора Павла I, и хотя затѣмъ не восстанавливается, но за то сохраняютъ полную силу и неоднократно подтверждаются другія, подобному этому, правила. Такъ, указъ 10-го августа 1808 г. предписываетъ офицерамъ, просящимся за ранами и увѣчьями въ отставку, представлять свидѣтельства за подписаніемъ всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ своихъ полковъ, что они «точно за ранами служить не могутъ», и лишь въ случаѣ представленія такого свидѣтельства они могли быть награждаемы пенсіономъ.

Что же касается права офицерской корпораціи обсуждать поведеніе своихъ сочленовъ, то оно все время сохранялось. Последнее официальное подтвержденіе этого права послѣдовало 5-го мая 1822 г. приказомъ начальника главнаго штаба Е. И. В., которымъ напоминалось обществамъ офицеровъ, чтобы они непремѣнно излагали причины, вслѣдствіе коихъ они увольняютъ изъ полковъ своихъ товарищей.

Какъ функционировали эти зародыши современныхъ судовъ общества офицеровъ, сохранилось немного свѣдѣній. Вотъ какъ представляются ихъ дѣйствія въ началѣ XIX вѣка, по воспоминаніямъ современниковъ, окрашеннымъ, надо думать, нѣсколько въ розовый цвѣтъ: «На обязанности каждаго офицера лежало довести до свѣдѣнія товарищей всякій унижительный для офицерскаго званія поступокъ другого офицера своего полка. Въ предварительномъ обсужденіи поступка принимали участіе всѣ офицерскіе чины полка (даже полковые медики) и, по удостовѣреніи, что поступокъ обнаруживаетъ отсутствіе чести у обвиняемаго офицера, докладывали черезъ старшаго штабъ-офицера полковому командиру о нежеланіи имѣть въ своемъ полку недостойнаго члена корпораціи. Полковой командиръ требовалъ къ себѣ обвиняемаго, объявлялъ ему, въ чемъ онъ обвиняется товарищами, и спрашивалъ его, признаетъ ли онъ себя виновнымъ или нѣтъ. Если онъ признавалъ себя виновнымъ, то тутъ же полковой командиръ, не входя болѣе ни въ какія разбирательства, приказывалъ ему подать прошеніе объ увольненіи отъ службы не далѣе, какъ черезъ 24 часа. Если же обвиняемый отрицалъ свою вину и изъявлялъ желаніе оправдаться, то полковой командиръ собиралъ всѣхъ наличныхъ штабъ

и оберъ-офицеровъ полка, и обвиняемый оправдывался или обличался ими въ виновности. Хотя полковой командиръ и присутствовалъ при этомъ словесномъ разбирательствѣ, но избѣгалъ всякаго участія въ преніяхъ и сохранялъ строгое безпристрастіе. По окончаніи разбирательства командиръ обращался къ офицерамъ съ вопросомъ, удостовѣрились ли они по совѣсти и чести въ невиновности обвиняемаго, или остаются при прежнемъ своемъ мнѣніи. Если офицеры по большинству $\frac{2}{3}$ голосовъ подтверждали обвиненіе, то полковой командиръ объявлялъ обвиняемому, что онъ долженъ оставить службу. Этому окончательному рѣшенію, сколько извѣстно, осужденные безспорно подчинялись. Всѣ дѣла и проступки, касавшіеся служебныхъ отношеній, сужденію офицерскихъ обществъ не подлежали. Письменнаго производства не было» ¹⁾).

Описанный порядокъ, несомнѣнно, значительно отличался отъ первоначальнаго, установленнаго указомъ 1721 года. Въ Петровское время, какъ можно судить по указаніямъ изслѣдователей, имѣвшихъ возможность ознакомиться съ немногими сохранившимися дѣлами подобнаго рода, инициатива возбужденія дѣла принадлежала всегда военному начальству, иногда даже военной коллегіи, и все дѣлопроизводство было письменное ²⁾).

Интересно мнѣніе современниковъ о тогдашнихъ офицерскихъ судахъ. Генераль-адъютантъ баронъ Рамзай и генераль-лейтенантъ фонъ-Рейтернъ, начавшіе свою службу въ 1818 г., при обсужденіи въ 1862 г. вопроса о возстановленіи судовъ чести, слѣдующимъ образомъ отзывались о судахъ Александровскаго времени:

«Наши военныя знаменитости того времени поддерживали суды общества офицеровъ; они справедливо видѣли въ этомъ нравѣ суда высокое нравственное учрежденіе, единственное для правительства ручательство въ томъ, чтобы въ рядахъ арміи не было недостойныхъ офицеровъ, и чтобы офицеры всегда и вездѣ исполняли свой долгъ. Это учрежденіе было одною изъ главныхъ нравственныхъ причинъ успѣховъ нашей арміи. Судъ этотъ былъ справедливъ и въ то же время неумолимъ: интригъ и партій не могло быть, потому что въ обществѣ офицеровъ, рѣшавшемъ о судьбѣ и чести товарища, всегда находились люди достаточно твердые и правдивые, чтобы раскрыть и уничтожить предубѣжденіе или клевету. Дис-

¹⁾ Этотъ рассказъ принадлежитъ ген.-адъютанту барону Рамзаю, командовавшему въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія Гренадерскимъ корпусомъ.

²⁾ Сравн. у Розенгейма «Очеркъ исторіи военно-судныхъ учреждений въ Россіи до кончины Петра В. Сиб. 1878 г.», стр. 191—192.

циплина отъ этого порядка не страдала, такъ какъ общество офицеровъ ни въ какомъ случаѣ не имѣло права сужденія поступковъ, касающихся до служебныхъ отношеній, и допущеніе всѣхъ безъ изъятія офицеровъ до участія въ дѣлахъ, гдѣ разсуждалось о чести товарища, не встрѣчало неудобствъ».

Въ 1829, Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ 21-го января, всѣ постановленія о свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ обществами офицеровъ, были отмѣнены. Это Высочайшее повелѣніе указывало, что удостовѣренія со стороны офицерскихъ обществъ являются «уменьшающими довѣріе къ аттестаціи начальства и слѣдственно съ правилами строгой военной дисциплины несообразными». Поэтому предписывалось: «на будущее время всякаго рода свидѣтельства и подписки, выдаваемыя до сего времени обществомъ офицеровъ товарищамъ своимъ,—прекратить, вмѣсто же оныхъ принимать во всякомъ случаѣ въ основаніе удостовѣреніе полковыхъ и прочихъ частей командировъ, которыхъ за неправильныя аттестаціи о своихъ подчиненныхъ, если таковыя окажутся впоследствии, подвергать строгой отвѣтственности». Поводомъ къ такой отмѣнѣ послужило происшествіе въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ первой гусарской дивизіи, случившееся въ 1825 году.

Офицеръ нанесъ подполковнику своего полка ударъ, почти безъ всякихъ къ тому побудительныхъ причинъ. Бригадный командиръ и подчиненные ему командиры полковъ просили позволенія у начальника дивизіи написать обиженному письмо за подписью всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ съ изъясненіемъ сожалѣнія о случившемся и о своемъ желаніи, несмотря на происшествіе, продолжать съ нимъ службу. Начальникъ дивизіи не только разрѣшилъ имъ это сдѣлать, но вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ офицерамъ другой бригады вѣренной ему дивизіи написать подобное же письмо по-несшему невинно оскорбленіе штабъ-офицеру. Полагая, что подписаніе письма не обязательно, но предоставляется усмотрѣнію каждого, нѣкоторые офицеры этой бригады первоначально отказались дать свою подпись, хотя впоследствии и подписались. Находя въ поступкѣ этихъ офицеровъ уклоненіе отъ исполненія приказанія начальника дивизіи, командиръ корпуса приказалъ арестовать всѣхъ виновныхъ; сверхъ того, по особому представленію начальника дивизіи, нѣкоторые изъ нихъ были уволены отъ службы подъ предлогомъ дурного поведенія. Уволенные, прибывъ въ Петербургъ, подали на Высочайшее имя прошеніе о преданіи ихъ суду для представленія доказательствъ своей невинности. Просьба

была уважена, наряженъ военный судъ. Судъ оправдалъ всѣхъ подсудимыхъ, съ приговоромъ согласился и военный министръ. Но при этомъ было принято во вниманіе особое мнѣніе аудиторіатскаго департамента, который, усматривая, что упомянутое дѣло было «единственно слѣдствіемъ лишь письма, предложеннаго начальникомъ для подписанія офицеровъ, полагалъ: «воспретить требовать на будущее время такого рода письма, какъ дающія поводъ къ нарушенію военной дисциплины».

Это заключеніе было одобрено Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, и результатомъ его было вышецитированное повелѣніе 21-го января 1829 г.

Нельзя не замѣтить, что описанное происшествіе, подавшее поводъ къ запрещенію выраженія обществами офицеровъ мнѣній о поведеніи своихъ товарищей, въ сущности очень мало относилось къ праву, дарованному этимъ обществамъ Петромъ Великимъ. Впослѣдствіи это было признано и официально. Объяснительная записка о судахъ общества офицеровъ, удостоившаяся 5-го марта 1861 г. одобренія Императора Александра II, указываетъ, что «докладъ Аудиторіатскаго Департамента не заключалъ въ себѣ всѣхъ нужныхъ для обсуждения столь важнаго предмета обстоятельствъ». «Въ дѣлѣ, продолжаетъ записка, обнаружилось нѣкоторое стремленіе начальства къ превышенію предоставленной ему закономъ власти, но оно едва ли могло, по строгой справедливости, требовать, чтобы подчиненные безусловно раздѣляли мнѣніе начальника объ ихъ сослуживцѣ».

Такимъ образомъ, въ 1829 году постановленія, введенныя Петромъ Великимъ и получившія затѣмъ на практикѣ за 100 лѣтъ своего существованія своеобразное развитіе, подверглись отмѣнѣ, оставивъ однако жъ не разрѣшеннымъ вопросъ, какъ впредь поступать съ офицерами, оскорбляющими своимъ поведеніемъ достоинство офицерскаго званія, особенно когда при этомъ не было налицо такого дѣянія, которое по свойству своему подлежитъ дѣйствию уголовныхъ законовъ.

Этотъ пробѣлъ въ военномъ законодательствѣ очень чувствительно отзывался на нашей арміи временъ Императора Николая I. Составители «Положенія объ охраненіи воинской дисциплины и взысканіяхъ дисциплинарныхъ» (такъ называлось первое изданіе Дисциплинарнаго Устава въ 1863 г.) съ положительностью утверждали, что уничтоженіе права офицерской корпораціи обсуждать проступки своихъ сочленовъ было одною изъ причинъ обнаружив-

шагося послѣ Крымской войны неудовлетворительнаго состоянія нашего корпуса армейскихъ офицеровъ¹⁾: «общества офицеровъ лишились существовавшей дотолѣ тѣсной между офицерами связи, ибо каждая отдѣльная личность перестала дорожить мнѣніемъ своихъ сослуживцевъ въ той мѣрѣ, какъ это прежде существовало. Охраненіе неприкосновеннымъ достоинства офицерскаго званія, если можно такъ выразиться, сдѣлалось менѣе возможнымъ. Самый добросовѣстный начальникъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдящій за нравственностью своихъ подчиненныхъ, не въ состояніи оцѣнить характеръ каждаго изъ нихъ и его наклонностей, — поэтому многіе проступки, оскорбляющіе мундиръ и честь офицерскаго званія, совершенно ускользаютъ отъ вниманія начальства. Офицеръ, пользующійся общимъ уваженіемъ, трудно рѣшается не только заявить, но и высказать откровенно своему начальнику мнѣніе о поведеніи товарища, болѣе или менѣе неблагородномъ, считая это доносомъ, несомвѣстнымъ съ честью порядочнаго человѣка. Поступки офицеровъ, доходящія въ иныхъ случаяхъ до свѣдѣнія ближайшихъ начальниковъ, нерѣдко судятся ими неправильно по отсутствію всѣхъ необходимыхъ данныхъ и, притомъ, или слишкомъ слабо, или напротивъ, излишне строго, по невозможности въ дѣлахъ этого рода розысканіемъ обнаружить всю истину».

Безсиліе единоличной власти военныхъ начальниковъ въ дѣлѣ обезпеченія надлежащаго поведенія офицеровъ «чувствовалось» и въ царствованіе Императора Николая I. Это съ достаточностью выясняется изъ рассмотрѣнія очень интересныхъ архивныхъ матеріаловъ — законодательныхъ работъ по составленію въ 30-хъ и 40-хъ гг. прошлаго столѣтія проекта «Военно-полицейскаго Устава», соотвѣтствовавшаго по своимъ цѣлямъ отчасти нынѣшнему Уставу Дисциплинарному.

При первоначальныхъ работахъ по составленію «Военно-полицейскаго Устава (въ 1837 г.) имѣлось, между прочимъ, въ виду также «опредѣлить мѣры удержанія молодыхъ офицеровъ отъ безпорядковъ и охраненія ихъ нравственности». По проекту 1840 г. охраненіе «добрыхъ нравовъ» было предположено главнымъ образомъ предоставить военнымъ начальникамъ (§§ 8 и 9), на обязанности которыхъ лежитъ преслѣдовать «развратное поведеніе, коимъ почитается преданность пьянству или распутству», а также «роскошь и мотовство» (§§ 133 и 160). «Но, — устанавливалъ проектъ, —

¹⁾ Труды комитета ген.-ад. Сухозапета. Объяснительная записка, стр. 18 и слѣдующія.

если ни старанія начальства, ни многократно испытанныя военно-полицейскія исправленія, не могли удержать отъ развратнаго поведенія офицера, или лица, пользующееся особыми правами состоянія, тогда по распоряженію начальника дивизіи (или другого командира съ равною властью), для изслѣдованія всѣхъ проступковъ его назначается комиссія». Составъ этой комиссіи и число ея членовъ не указаны въ проектѣ, но ее предложено было снабдить большими полномочіями. Комиссія эта могла сдѣлать постановленіе «о преданіи суду лицъ штабъ-офицерскаго званія и оберъ-офицеровъ, имѣющихъ не менѣе 10 лѣтъ службы», а относительно прочихъ оберъ-офицеровъ (а также нижнихъ чиновъ, пользующихся особыми правами состоянія)—«объ отосланіи ихъ для дальнѣйшаго исправленія, по распоряженію главнокомандующаго арміей (или командира отдѣл. корпуса или отдѣльнаго въ военное время дивизионнаго начальника), на опредѣленное ими время въ крѣпость».

Проектъ «Военно-полицейскаго Устава» 1840 г. не опредѣлялъ срока заключенія въ крѣпости, вполнѣ предоставляя его усмотрѣнію начальства; въ проектѣ же 1846 г. указывается мѣсяцъ и тахімумъ срока (отъ 1 недѣли до 3 мѣсяцевъ), причемъ добавляется, что такое крѣпостное заключеніе не связано съ правлишеніями (§ 192 пр. 1846 г.). Относительно режима для содержащихся въ крѣпости въ видахъ военно-полицейскаго исправленія предполагалось постановить слѣдующія правила: «тамъ содержать ихъ въ казематѣ, дабы они, находясь въ уединеніи, могли предаться размышленію о себѣ и раскаянію; по истеченіи же недѣли содержанія дозволить имъ выходить подъ присмотромъ въ церковь къ слушанію богослуженія въ праздничные и другіе дни; во все время содержанія поручать ихъ назиданію опытныхъ духовныхъ лицъ» (объясн. зап. л. 20; пр. § 194). Кромѣ общаго для всѣхъ оберъ-офицеровъ военно-полицейскаго взысканія—заключенія въ крѣпость—упоминается еще о специальномъ наказаніи для исправленія офицеровъ гвардіи:—переводѣ изъ гвардіи въ армію тѣмъ же чиномъ (§ 162).

Неблагопріятныя для арміи послѣдствія отсутствія офицерскихъ судовъ особенно рѣзко стали замѣчаться въ началѣ царствованія Императора Александра II. По окончаніи Крымской войны и уничтоженіи вслѣдъ за симъ резервныхъ частей войскъ, корпуса внутренней стражи и др., полки арміи пополнились офицерами, офиціально охарактеризованными (напр. въ извѣстномъ всеподд.

докладъ ген.-ад. гр. Милютина за 1862 г.), какъ «не только не соотвѣтствующими своему назначенію, но даже порочащими офицерское званіе»; накопленіе въ арміи неподходящихъ элементовъ произошло отъ невозможности быть строго разборчивымъ въ выборѣ желающихъ опредѣлиться въ военную службу, когда нужно было одновременно организовать кадры вновь формировавшихся полевыхъ частей и пополнять огромную убыль офицеровъ въ рядахъ сражавшихся полковъ.

Избавить отъ подобныхъ офицеровъ полки арміи въ возможно скоромъ времени было одною изъ первыхъ заботъ Военнаго Министерства. По докладу аудиторіатскаго департамента было испрошено Высочайшее повелѣніе, объявленное въ прик. по воен. вѣд. 8-го августа 1856 г., впоследствии дополненное и разъясненное приказомъ 6-го декабря того же года.

Приказами этими предоставлялось полковымъ командирамъ и начальникамъ, пользующимся одинаковой съ ними властью, войти по командѣ съ рапортами объ офицерахъ, не аттестуемыхъ по кондуитнымъ спискамъ за дурное поведеніе, и по разсмотрѣніи этихъ донесеній корпусными командирами и утвержденіи ихъ, предлагать такимъ офицерамъ подавать просьбы объ увольненіи въ отставку; въ случаѣ же несогласія на это предложеніе—представлять объ увольненіи безъ прошенія, но съ тѣмъ, чтобы въ Высочайшихъ приказахъ не обозначалось причинъ ихъ увольненія. вмѣстѣ съ этимъ признано было необходимымъ, для огражденія военныхъ начальниковъ отъ подачи на нихъ неосновательныхъ жалобъ,—запретить принимать отъ уволенныхъ въ указанномъ порядкѣ офицеровъ просьбы объ изслѣдованіи ихъ проступковъ и о преданіи ихъ суду для доказательства своей невиновности.

Подобное законоположеніе, воспрещавшее офицеру, уволенному отъ службы, подавать жалобу, оправдывалось, какъ мѣра необходимости, вызванная чрезвычайными обстоятельствами. Но оставленіе этого правила при нормальной обстановкѣ, по справедливому указанію членовъ законодательнаго комитета, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ ген.-ад. Сухозанета, «представляло бы произволу ближайшихъ начальниковъ обширное поле, котораго ограничить не въ силахъ самый строгій надзоръ». Сужденіе это подтверждалось и цѣлымъ рядомъ дѣлъ о несправедливыхъ увольненіяхъ по правиламъ 1856 г. и мнѣніями военныхъ начальниковъ, выраженными при разсмотрѣніи проекта Воинскаго Устава о наказ., разосланнаго на ихъ заключеніе. При этомъ многими изъ нихъ

была высказана мысль объ учрежденіи въ русской арміи судовъ чести по прусскому образцу, или о возстановленіи судовъ общества офицеровъ, существовавшихъ у насъ до 1829 г.

Еще будучи военнымъ министромъ, ген.-ад. Сухозанетъ очень заинтересовался этой мыслью. Въ началѣ 1859 г. сенаторъ Капгеръ (одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей по составленію, какъ Военно-судебнаго устава, такъ и Воин. Устава о наказ.) представилъ ему личный докладъ по вопросу «о судахъ чести». Къ концу того же года Капгеромъ былъ составленъ первоначальный проектъ положенія о подобныхъ судахъ, а къ началу 1861 г.—и «объяснительная записка о судахъ общества офицеровъ», заслужившая собственноручную отмѣтку Императора Александра II: «весьма дѣльно» (5 го марта 1861 г.). Засимъ вопросъ о судахъ общества офицеровъ былъ переданъ военнымъ министромъ для заключенія всѣмъ высшимъ начальствующимъ лицамъ военно-сухопутнаго вѣдомства, и сообщенъ кромѣ того Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ для обсужденія чинамъ флота и адмиралтейства.

Доставленныя заключенія показали, что мысль объ учрежденіи офицерскихъ судовъ встрѣтила общее одобреніе, какъ мѣра, которая можетъ имѣть лишь благотѣльное вліяніе на возвышеніе нравственнаго-духа арміи. Только въ одномъ заключеніи представителей военно-сухопутнаго вѣдомства, не возражавшемъ принципиально противъ суда общества офицеровъ, онъ признавался преждевременнымъ, «такъ какъ понятія о чести и достоинствѣ военнаго званія не развиты между обществами офицеровъ во всѣхъ частяхъ войскъ въ одинаковой степени».

Точно также чинами морского вѣдомства почти единогласно суды общества офицеровъ были признаны чрезвычайно полезнымъ учрежденіемъ. Введеніе этихъ судовъ, по мнѣнію моряковъ, «разовьетъ скорѣе понятіе о военной чести и значеніи военнаго словія». «Больно видѣть, говорить въ своемъ мнѣніи другой морякъ, какъ нашъ мундиръ иногда унижается, и многимъ уже приходилось краснѣть за своихъ сослуживцевъ. Въ понятіяхъ о чести мундира и значеніи офицерскаго званія въ прусской арміи огромная разница съ нашими понятіями объ офицерской чести: тамъ каждый поступокъ офицера, помрачающій честь мундира, обсуждается всѣми офицерами полка со всею строгостью, не ожидая на то предложенія начальства. На этомъ распространенномъ понятіи объ офицерской чести и основано взаимное уваженіе офицеровъ, которое не оставляетъ ихъ ни въ публичномъ мѣстѣ, ни въ гости-

ной; безъ этого понятія и сознанія не можетъ быть и настоящей дисциплины».

Наконецъ, обсужденіе вопроса о судахъ общества офицеровъ переходитъ въ особый «Высочайше учрежденный комитетъ для разсмотрѣнія замѣчаній на проектъ положенія о взысканіяхъ по правиламъ военной дисциплины», образованный въ 1862 г. подъ предсѣдательствомъ бывшаго военнаго министра генер.-адъют. Сухожанета изъ членовъ отъ вознаго и морского вѣдомствъ.

Разсмотрѣвъ въ 3 засѣданіяхъ данный вопросъ и констатировавъ общее одобреніе военныхъ начальниковъ мысли объ учрежденіи судовъ общества офицеровъ, комитетъ остановился прежде всего на высказанномъ нѣкоторыми лицами мнѣніи, — должно ли ввести этотъ институтъ безъ замедленія во всѣхъ полкахъ и командахъ, или слѣдуетъ допустить его только въ тѣхъ частяхъ войскъ, гдѣ по нравственному состоянію офицерскаго общества можно ожидать благотворныхъ послѣдствій², причемъ единогласно разрѣшилъ этотъ вопросъ въ первомъ смыслѣ.

При разрѣшеніи слѣдующаго вопроса—объ организаціи суда общества офицеровъ—комитетъ имѣлъ въ виду нѣсколько предположеній о желательномъ устройствѣ этихъ судовъ.

Въ 1861 г. сен. Капгеромъ было проектировано учредить суды общества офицеровъ въ видѣ особыхъ полковыхъ комитетовъ по представленію командира полка, съ разрѣшенія начальника дивизіи, — для разсмотрѣнія оберъ-офицерскихъ дѣлъ; для сужденія штабъ-офицеровъ — въ видѣ дивизионныхъ комитетовъ. Составъ этихъ комитетовъ проектировался изъ 8 штабъ-офицеровъ дивизіи, по старшинству чиновъ, — въ штабъ-офицерскихъ судахъ, и изъ 4 штабъ-офицеровъ и 4 оберъ-офицеровъ полка, назначаемыхъ также по старшинству чиновъ и службы, — въ оберъ-офицерскихъ судахъ. При сообщеніи проекта высшимъ военнымъ начальникамъ, были, между прочимъ, выражены очень многими лицами мнѣнія о желательности установленія выборнаго начала въ члены комитетовъ порядкомъ, существовавшимъ въ то время въ арміи для избранія полковыхъ казначеевъ и квартирмистеровъ, вмѣсто того чтобы предоставлять назначеніе судей случайности старшинства, ибо «между старшими офицерами могутъ быть и такіе, которые не внушаютъ довѣренности обществу офицеровъ». Великій Князь Константинъ Николаевичъ при этомъ высказалъ, что суды общества офицеровъ «могутъ принести всю ожидаемую пользу только тогда, когда будутъ служить живымъ выраженіемъ мнѣнія лицъ,

тѣсно связанныхъ между собою, когда получать они, такъ сказать, характеръ суда семейнаго. Суды въ томъ устройствѣ, какъ они предлагаются проектомъ, будутъ болѣе походить на временныя военно-судныя комиссіи, наряжаемыя начальствомъ, чѣмъ на суды семейныя, ибо, естественно, что между офицерами цѣлой дивизіи, но разныхъ полковъ, расположенныхъ часто на довольно большомъ пространствѣ, слѣдовательно вовсе не знающими иногда другъ друга, не можетъ быть той тѣсной, сознательной и живой связи, которая составляетъ существенную основу въ судахъ сего рода. При устраненіи всякаго участія сампхъ офицеровъ въ назначеніи суда и выборѣ судей, основываемомъ единственно на старшинствѣ чина, приговоръ суда будетъ имѣть законообязательную силу, но не можетъ имѣть нравственно-обязательной. Поэтому судъ общества офицеровъ долженъ быть образованъ съ допущеніемъ участвовать въ немъ всѣмъ наличнымъ офицерамъ, или, по крайней мѣрѣ, съ допущеніемъ учреждать особыя для сего комиссіи, по общему, свободному всѣхъ офицеровъ полка, выбору». Подобное же мнѣніе изложилъ командиръ гвардейскаго корпуса генералъ-адъютантъ Плаутинъ, добавивъ, что, «если ужъ нельзя допустить выборнаго начала въ обществѣ офицеровъ, то гораздо было бы рациональнѣе замѣнить предполагаемое въ проектѣ правило назначеніемъ въ составъ суда по одному старшему отъ cadaго чина до поручика включительно». Тотъ же взглядъ—о необходимости приданія суду общества офицеровъ характера суда семейнаго—выразили также Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи и другіе высшіе начальники. Существо ихъ мнѣній сводилось къ тому, что «судъ общества офицеровъ долженъ быть предоставляемъ не отдѣльному какому либо комитету, составленному по распоряженію начальства изъ опредѣленнаго числа офицеровъ, по всему наличному обществу ихъ, не касаясь вопроса о старшинствѣ въ чинахъ и не допуская никакого участія начальства въ назначеніи офицеровъ для этого суда по личному своему избранію. Только такой судъ можетъ заинтересовать всѣхъ офицеровъ полка до младшаго включительно».

Комитетъ ген.-ад. Сухозанета, вполнѣ присоединившись къ вышеприведеннымъ соображеніямъ Великаго Князя Константина Николаевича, нашелъ необходимымъ, чтобы въ каждомъ полку «по выбору всего общества оберъ-офицеровъ былъ составляемъ совѣтъ посредниковъ для предварительнаго дознанія или собранія свѣдѣній объ офицерѣ, подвергшемъ себя нареканію, и чтобы за-

тѣмъ къ постановленію о немъ приговора допущено было все общество оберъ-офицеровъ, находящихся на лицо, не исключая ни прапорщиковъ, ни состоящихъ въ полку или командѣ военныхъ чиновниковъ». Далѣе комитетъ призналъ, что «опасеніе, будто черезъ допущеніе всего общества офицеровъ къ выборамъ и постановленію приговора данъ будетъ поводъ къ шумнымъ сборищамъ, едва ли справедливо, ибо и нынѣ (т. е. въ 60-хъ г.г.) все общество офицеровъ избираетъ казначея полка и квартирмистра». Совѣтъ посредниковъ комитетъ рѣшилъ составить въ каждомъ полку изъ 5-ти (по одному изъ каждаго чина), а въ отдѣльныхъ баталіонахъ и артилерійскихъ бригадахъ—изъ 3-хъ лицъ, избираемыхъ на годъ всѣми оберъ-офицерами полка; въ составъ посредниковъ не воспрещалось избирать и штабъ-офицеровъ.

Предположенная комитетомъ организація суда, съ нѣкоторыми частными измѣненіями, составила содержаніе §§ 99—102 «Положенія объ охраненіи воинской дисциплины и взыскаціяхъ дисциплинарныхъ», Высочайше утвержденнаго 6 іюля 1863 г.

Что касается круга лицъ, подвѣдомственнымъ судамъ общества офицеровъ, то слѣдуетъ замѣтить, что первоначально (въ 1859 и въ 1861 г.г.) предполагалось подвергать этимъ судамъ и оберъ-офицеровъ, и штабъ-офицеровъ. Въ заключеніяхъ военныхъ начальниковъ на проектъ 1861 г. подсудность штабъ-офицеровъ вызвала возраженія. Высказывалось при этомъ о неудобствѣ «выражать въ законѣ сомнѣніе, что дослужившійся до званія штабъ-офицера могъ бы унижать себя до поступковъ, недостойныхъ офицерскаго званія».

Комитетъ ген.-ад. Сухозанета разсуждалъ по поводу этого слѣдующимъ образомъ:

«По существу учрежденія судовъ общества офицеровъ, въ дѣлѣ чести всѣ офицерскія званія, не исключая и штабъ-офицерскаго, не должны различествовать между собою, и поэтому слѣдовало бы, казалось, штабъ-офицеровъ наравнѣ съ оберъ-офицерами подвергать суду общества офицеровъ. Но осуществленіе сей мысли представляетъ многія важныя неудобства. Званіе штабъ-офицера приобрѣтается продолжительною службою и соединено съ занятіемъ или исправленіемъ важныхъ въ военной службѣ должностей; въ этомъ званіи находятся баталіонные, дивизіонные и батарейные командиры—лица, испытанныя въ служебной опытности и знаніи своего долга; обязанности ихъ вообще, начиная съ младшаго штабъ-офицера, совершенно иныя, чѣмъ обязанности ротныхъ команди-

ровъ, и часто совпадаютъ съ начальственными правами полковыхъ командировъ, а потому несообразно было бы подвергать штабъ-офицера въ одномъ случаѣ, т. е. когда онъ не начальствуетъ, суду общества офицеровъ, а въ другомъ, когда онъ командуетъ какою либо частью, таковому суду его не подвергать; сверхъ того, въ офицерскомъ судѣ штабъ-офицеръ не будетъ имѣть достаточнаго числа защитниковъ, пользующихся съ нимъ одинаковыми правами, и большинство голосовъ всегда будетъ на сторонѣ оберъ-офицеровъ; судъ офицерскій едва ли будетъ безпристрастенъ надъ штабъ-офицеромъ, особенно, когда онъ облеченъ былъ званіемъ начальника, хотя и временно, но обращалъ строгое вниманіе на упущенія подчиненныхъ; или когда штабъ-офицеръ поступилъ изъ другого вѣдомства или другой части войскъ въ такую, гдѣ старшему капитану нужна только одна вакансія»... По мнѣнію комитета, допущеніе подобнаго суда надъ штабъ-офицеромъ «уронило бы значеніе штабъ-офицерскаго званія не только безъ пользы для службы, но даже въ противность духу воинскаго чинопочитанія»; «неоправдывающій своего значенія штабъ-офицеръ можетъ всегда, безъ всякой огласки, быть удаленъ по распоряженію начальства». Введеніе особаго штабъ-офицерскаго суда изъ штабъ-офицеровъ дивизіи комитетъ нашелъ практически неудобнымъ и въ виду всего вышеизложеннаго единогласно призналъ, что изъ суда общества офицеровъ слѣдуетъ изъять не однихъ полковыхъ командировъ и командировъ равнойъ съ ними власти, но и всѣхъ штабъ-офицеровъ. Такое правило и вошло въ жизнь.

По вопросу о компетенціи судовъ общества офицеровъ, при первоначальной разработкѣ предположеній объ этихъ судахъ, былъ проектированъ (въ 1859 г.) перечень тѣхъ дѣлъ, которыя имъ были бы повѣдомственны. Перечень этотъ заключалъ въ себѣ 12 пунктовъ, большею частью заимствованныхъ изъ прусскаго положенія 1843 г.: недостатокъ рѣшительности, задолженность, неправильный выборъ знакомствъ, склонность къ пьянству или къ игрѣ, неприличное поведеніе въ публичныхъ мѣстахъ и т. п. Въ перечень указаны и нѣкоторыя чисто уголовныя дѣянія: «воровство и грабежъ, какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и на театрѣ войны» (п. 7), «дозванное корыстолюбіе по ротному, или баталіонному, или полковому хозяйству» (п. 12) и т. п. Но затѣмъ эти предположенія, по очевидной невозможности составить вполне исчерпывающій перечень, были оставлены, и компетенція судовъ была опредѣлена въ общихъ выраженіяхъ, весьма близкихъ къ нынѣ дѣйствующему закону (ст.

130 Дисц. Уст. изд. 1900 г.). Относительно сдѣланнаго нѣкоторыми военными начальниками предложенія присоединить къ числу дѣлъ, разбираемыхъ офицерскими судами, дѣла о поединкахъ, комитетъ ген. ад. Сухозанета единогласно призналъ, что «неудобно узаконить право на поединокъ, какъ сіе отчасти сдѣлано въ Пруссіи, чрезъ предоставленіе обществу офицеровъ обсужденія необходимости поединка и, въ случаѣ утвердительнаго его разрѣшенія, обязывать съ тѣмъ вмѣстѣ военный судъ смягчать положенное за поединокъ наказаніе. Законъ не можетъ дать такого права обществу и дозволить кровопролитіе, ибо самоуправство вооруженною рукою никогда не должно быть формально разрѣшаемо. Но такъ какъ встрѣчаются случаи, къ коихъ необходимо предостеречь молодого человѣка отъ заблужденія по пылкости его возраста, а человѣка заносчиваго — отъ нанесенія другому безвинно оскорбленія, то разборъ случающихся между офицерами ссоръ, по поводу нанесенныхъ обидъ, можетъ быть предоставленъ посредникамъ и судамъ общества офицеровъ. Цѣль такого разбора заключается въ предупрежденіи поединка изъ за пустыхъ причинъ; при благородномъ и справедливомъ разбирательствѣ дѣла товарищами, можно допустить, что возникшая вражда будетъ прекращена примиреніемъ чрезъ представленіе обѣимъ сторонамъ дружескихъ убѣжденій, или несправедливо обидѣвшій будетъ принужденъ извиниться передъ невинно имъ оскорбленнымъ, или, наконецъ, будетъ удаленъ самими офицерами изъ полка или команды, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ доставитъ удовлетвореніе и самому обиженному».

Въ 1867 г., въ связи съ общимъ пересмотромъ «Положенія о взысканіяхъ дисциплинарныхъ» (во 2-мъ его изданіи 1855 г.), подверглась пересмотру и 9-я глава этого «Положенія» — о судѣ общества офицеровъ. Офицерскіе суды при этомъ встрѣтили крайне рѣзкое и отрицательное къ себѣ отношеніе. Мнѣніе такого рода было хотя и единственнымъ среди другихъ, но за то исходило отъ высоко-авторитетнаго лица. Рѣшительнымъ противникомъ судовъ общества офицеровъ явился въ 1868 г. Великій Князь Николай Николаевичъ, бывший раньше ихъ сторонникомъ, но потомъ, видимо, окончательно въ нихъ разочаровавшійся. «Правила о судѣ общества офицеровъ, гласитъ мнѣніе Великаго Князя, подлежатъ исключенію изъ «Положенія». Судъ этотъ заимствованъ у насъ изъ прусскихъ военныхъ законовъ. Но и въ Пруссіи онъ врядъ ли приноситъ какую либо пользу; заимствованный и тамъ изъ германскихъ университетовъ и студенческихъ корпорацій, онъ ведетъ

прямо и совершенно послѣдовательно къ узаконенію поединка, что и видимъ изъ постановленій о прусскомъ Ehrengericht. Впрочемъ, не предрѣшая въ какой мѣрѣ полезенъ въ Пруссіи судъ общества офицеровъ, можно положительно сказать, что у насъ въ Россіи онъ оказался вреднымъ. На практикѣ онъ является до сихъ поръ только орудіемъ въ рукахъ партіи въ полку, желающей выжить не принадлежащаго къ ней товарища, и орудіемъ всесильнымъ, ибо судъ общества офицеровъ—безапелляціонный, и приговоры его не могутъ быть кассированы даже высшимъ военнымъ начальствомъ. Эта то безапелляціонность суда и составляетъ главный его недостатокъ; между тѣмъ характеръ суда таковъ, что онъ не допускаетъ апелляціи. По всѣмъ этимъ причинамъ, а также и потому, что судъ общества офицеровъ былъ введенъ у насъ ввидѣ опыта, и что почти четырехлѣтній опытъ не доказалъ пользы учрежденія, лучше бы, казалось, самое учрежденіе это упразднить»...

Мнѣнія военныхъ начальниковъ обсуждались въ особой комиссіи ген. отъ инф. Ушакова, выработывавшей нынѣ дѣйствующій Дисциплинарный Уставъ (въ 1-мъ изданіи кн. XXIII С. В. П. 1869 г.). Комиссія эта нашла, что такъ какъ «учрежденіе суда общества офицеровъ составляетъ знакъ Монаршаго довѣрія къ нашимъ офицерамъ, предоставляющее имъ право самимъ охранять честь своего полка и мундира, и такъ какъ уровень нравственности и образованія между нашими офицерами, какъ положительно удостовѣряють о томъ главные военные начальники, не упадаетъ, а напротивъ ежегодно возвышается,—то едва ли возможно лишить армію той Монаршей милости, которая была имъ дарована въ 1863 г. возобновленіемъ существовавшаго прежде суда общества офицеровъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ большинство комиссіи генерала Ушакова выразило мнѣніе о настоятельной необходимости переустройства офицерскихъ судовъ на иныхъ началахъ, сравнительно съ «Положеніемъ» 1863 г. «Начала эти, какъ формулировало свои пожеланія большинство, состоятъ въ томъ, въ 1-хъ, что судъ долженъ производиться не всѣмъ обществомъ, а только отдѣльнымъ числомъ избранныхъ представителей офицерской семьи; во 2-хъ,—въ участіи въ судѣ лишь офицеровъ старшихъ чиновъ, такъ какъ военный бытъ основывается на іерархическомъ отношеніи чиновъ, и старшинство чина опредѣляетъ уже большее служебное значеніе и нравственное вліяніе въ полку» А потому предлагаемый большинствомъ комиссіи проектъ допускалъ выборы въ члены офицерскаго суда лишь только изъ числа штабъ-

офицеровъ, ротныхъ командировъ и прочихъ офицеровъ не ниже штабсъ-капитанскаго чина.

Всѣ эти измѣненія были приняты и Главнымъ Военнымъ Судомъ, обсуждавшемъ вопросъ въ засѣдательномъ порядкѣ, и затѣмъ удостоились утвержденья, составивъ XIV главу Дисциплинарнаго Устава (изд. 1869 г.).

Очень скоро вновь возникъ вопросъ о пересмотрѣ «Положенія о судахъ общества офицеровъ». Въ 1872 г. Императоръ Александръ II обратилъ вниманіе на несовершенство дѣйствовавшихъ правилъ, и въ слѣдующемъ году была образована комиссія подъ предсѣдательствомъ ген. адъют. Ланского изъ 20-ти членовъ—исключительно военно-сухопутнаго вѣдомства—для переработки этихъ правилъ.

Въ комиссіи почти одинаковымъ числомъ членовъ (6 и 7) были представлены два довольно противоположныхъ взгляда на задачи и цѣли офицерскаго суда. Одни высказывали, что дѣйствительный контроль надъ поведеніемъ офицера возможенъ лишь со стороны его товарищей. Общество офицеровъ, будучи облечено правомъ такого контроля и въ силу этого невольно слѣдя за жизнью и дѣйствіями своихъ членовъ, дѣлается строже и къ самому себѣ, самосовершенствуется, вырабатываетъ для себя руководящіе принципы и слѣдовательно является прямымъ и самымъ лучшимъ пособникомъ своего начальника въ дѣлѣ нравственнаго руководства подвѣдомственныхъ ему офицеровъ. Такимъ образомъ, офицерскій судъ, поднимая общество офицеровъ до полной нравственной самостоятельности, способствуетъ сплоченію его въ одно цѣлое и поддержанію въ его средѣ такихъ началъ, которыя, составляя духъ части, составляютъ и главный залогъ ея успѣховъ въ военное время. При этомъ весьма важно то, что подобная самостоятельность общества офицеровъ не подрываетъ власти начальника и не нарушаетъ дисциплинарныхъ отношеній къ нему со стороны офицерскаго кружка, ибо судъ открывается не иначе какъ съ разрѣшенія начальника части, имѣющаго, слѣдовательно, полную возможность оцѣнить значеніе причинъ, заставляющихъ общество прибѣгнуть къ столь серьезной мѣрѣ, какъ сужденіе товарища. По изложеннымъ соображеніямъ сторонники этого теченія стояли за восстановленіе въ полномъ объемѣ «Положенія» 1863 г.—т. е. совѣта посредниковъ и суда всѣхъ офицеровъ.

Представители другого теченія исходили изъ иного основнаго начала—изъ опредѣленія въ законѣ обязанностей и круга служеб-

ной дѣятельности полкового командира, обязаннаго знать поведеніе и способности своихъ подчиненныхъ и удерживать ихъ отъ безпорядковъ и являющагся, такимъ образомъ, отвѣтственнымъ руководителемъ всего общества офицеровъ. Законодатель, по ихъ мнѣнію, имѣлъ въ виду учрежденіемъ судовъ общества офицеровъ лишь облегчить полковому командиру исполненіе его обязанностей по надзору за ввѣренными ему чинами, а вовсе не желалъ создавать въ полку самостоятельное учрежденіе, которому было бы предоставлено исключительное право рѣшать всѣ вопросы, касающіеся чести полка. Съ этой точки зрѣнія они находили «Положеніе» объ офицерскихъ судахъ невыдержаннымъ, не всегда отводящимъ должную роль военному начальству и поэтому нуждающимся въ соотвѣтственномъ исправленіи. Отдѣльными членами комисіи ген. ад. Ланского были предложены и оригинальные проекты желательнаго порядка. Такъ, нѣкоторыми предлагался институтъ выборныхъ делегатовъ отъ офицерскаго общества съ правомъ не суда, а лишь обсужденія поступковъ того или другого изъ товарищей. Мнѣніе выборныхъ должно быть представляемо командиру полка для окончательнаго разрѣшенія дѣла, или для дальнѣйшаго направленія его по командѣ.

Очень подробное и интересное заключеніе для комисіи ген.-ад. Ланского было дано въ 1874 году. Командующимъ войсками Кіевскаго военного округа ген. ад. Дрентельномъ. Это заключеніе заслуживаетъ быть приведеннымъ съ нѣкоторою подробностью.

Выразивъ прежде всего предположеніе, что мысль о необходимости существеннаго измѣненія правилъ объ офицерскихъ судахъ явилась главнымъ образомъ подъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на многихъ начальниковъ дѣломъ Квитницкаго, разбиравшимся въ Петербургскомъ военно-окружномъ судѣ въ началѣ 1874 г., ген.-ад. Дрентельнъ продолжаетъ:

«Дѣйствительно, если и слышались иногда жалобы на офицерскіе суды, то онѣ имѣли характеръ общаго недовольства начальствующихъ лицъ, и нареканія падаютъ на это учрежденіе вообще а не на подробности положенія о семъ предметѣ. Изъ этого я вывожу то заключеніе, что большинство лицъ, желающихъ измѣненія правилъ о судахъ чести, неясно отдають себѣ отчетъ въ существѣ побужденій, которыми они руководятся. Сущность правъ, предоставленныхъ дисциплинарнымъ уставомъ обществу офицеровъ каждой отдѣльной части, заключается въ возможности исключать изъ своей среды товарища, который поведеніемъ своимъ вообще, или

какимъ либо неодобрительнымъ поступкомъ, роняетъ достоинство офицера и бросаетъ тѣнь на корпусъ офицеровъ, или употребляя обще-принятое выраженіе «мараетъ мундиръ». Указывая затѣмъ на условность сложившихся въ офицерской средѣ взглядовъ о томъ, что именно можетъ считаться предосудительнымъ для достоинства и чести мундира, Ген. ад. Дрентельнъ не только не считаетъ на основаніи этого суды чести безнолезными, а напротивъ полагаетъ, что они и должны оставаться «со свойственными имъ недостатками и предразсудками, на которыхъ нерѣдко зиждется мнѣніе офицерскаго общества о чести и достоинствѣ мундира». «Офицерскіе суды несомнѣнно должны способствовать къ поддержанію чувства чести въ офицерской средѣ, которая начинаетъ теперь (т. е. въ началѣ 70-хъ гг. XIX в) пополняться людьми изъ такихъ слоевъ общества, въ которыхъ понятіе о добрѣ и злѣ не ниже того, которое имѣетъ дворянское сословіе, но гдѣ понятіе о чести весьма мало развито. Съ другой стороны гражданская жизнь общества и его воззрѣнія врываються въ среду военнаго общества, на которомъ уже, видимо, начинаютъ отражаться меркантильныя соображенія вѣка. Въ былое время офицеръ считалъ всякій трудъ за денежное вознагражденіе ниже своего достоинства, всякое коммерческое предпріятіе—унизительнымъ, ссуду денегъ кому бы то ни было за проценты—позорнымъ; въ настоящее время—офицеры служатъ по частнымъ дѣламъ, пускаются въ разныя торговыя предпріятія, содержатъ фотографіи и т. п. Конечно, всякій трудъ честенъ, но, во первыхъ, нельзя опредѣлить границы, на которой должно остановиться по этому пути; можно дойти до того, что офицеръ будетъ содержать гласную кассу ссудъ или табачную лавочку, гдѣ будетъ торговать въ свободное отъ службы время; во вторыхъ, слѣдуетъ опасаться, что подобное коммерческое направленіе приведетъ къ тому, что служебныя обязанности останутся на заднемъ планѣ. Къ сожалѣнію, надо сказать, что это уже и случается. Полагаю, что въ интересахъ арміи и поддержанія офицерскаго достоинства слѣдуетъ ухватиться и за предразсудки, когда въ нихъ не заключается ничего вреднаго и противнаго нравственности, и не отнимать у себя одного изъ средствъ для достиженія цѣли, ради желанія не лишать законной защиты передъ судомъ общества офицеровъ тѣхъ изъ обвиняемыхъ, которые въ рѣдкихъ случаяхъ будутъ осуждены чрезмѣрно строго. Слѣдуетъ отказаться отъ желанія предоставить эту защиту, въ особенности въ виду того, что приговоръ суда чести обязываетъ подвергшагося оному исключительно

только къ выходу изъ общества, которое не желаетъ имѣть его въ своей средѣ». Полагая поэтому, что необходимо сохранить за офицерами право суда надъ своими товарищами, ген. адъютантъ Дрентельнъ не усматривалъ оснований для измѣненія въ существѣ дѣйствовавшаго закона, будучи убѣжденъ, что неудачное приложеніе къ дѣлу тѣхъ или иныхъ правилъ о судѣ общества офицеровъ происходитъ преимущественно отъ того, что самые вопросы, обсуждаемые въ этомъ судѣ, не могутъ быть рѣшаемы на основаніи точныхъ опредѣленій закона, а приговоры постановляются нерѣдко на основаніи воззрѣній, сложившихся въ офицерской средѣ, не всегда согласныхъ съ писаннымъ закономъ и общественнымъ мнѣніемъ. Свое мнѣніе о необходимости существованія офицерскихъ судовъ чести ген.-ад. Дрентельнъ подкрѣплялъ указаніемъ на тотъ фактъ, что всегда, и до изданія закона 1863 г., офицеры неофициальнымъ путемъ исключали изъ полковъ нежелательныхъ имъ товарищей, и что, если правила будутъ отмѣнены, — «результатъ будетъ тотъ же»¹⁾.

Пересмотръ «Положенія о судахъ общества офицеровъ» комисіей ген.-ад. Ланского, а затѣмъ — Главнымъ Военнымъ Судомъ, свелся въ концѣ концовъ къ нѣкоторымъ частнымъ измѣненіямъ закона объ этихъ судахъ, утвержденнымъ 31-го января 1877 г., и въ этомъ видѣ «Положеніе» вошло во 2-е изданіе XXIII кн. св. В. П. (1879 г.). Самое крупное нововведеніе состояло въ установленіи кассационнаго порядка обжалованія приговоровъ.

Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, по инициативѣ ген.-ад. Ванновскаго и князя Имеретинскаго, снова возникъ вопросъ о желательности измѣненія «Положенія о судѣ общества офицеровъ».

При этомъ ген.-адъют. князь Имеретинскій, занимавшій въ то время постъ главнаго военнаго прокурора, представилъ обширныя соображенія по данному вопросу.

«Вникая въ значеніе приговоровъ суда общества офицеровъ, а также принимая во вниманіе порядокъ, существовавшій у насъ до 1829 г. относительно удаленія изъ среды войскъ офицеровъ, недостойныхъ по своимъ поступкамъ оставаться на службѣ, и организацію такъ называемыхъ судовъ чести въ Германіи и Австріи», князь Имеретинскій склонялся въ пользу возстановленія суда общества офицеровъ въ томъ первоначальномъ его видѣ, въ кото-

¹⁾ Впоследствии, въ 80-хъ годахъ, ген.-ад. Дрентельнъ значительно измѣнилъ свои воззрѣнія на значеніе суда общества офицеровъ.

ромъ онъ былъ учрежденъ у насъ въ 1863 г. и существовалъ до 1869 года.

«По самой идеѣ суда общества офицеровъ, полагалъ кн. Имеретинскій, приговоръ его долженъ выражать взглядъ всѣхъ вообще офицеровъ отдѣльной части войскъ. Приговоръ этотъ долженъ слагаться изъ единичныхъ мнѣній всѣхъ товарищей обвиняемаго о томъ, насколько дѣйствія послѣдняго противны правиламъ нравственности и благородства». «Отсюда очевидно, продолжалъ онъ, что въ произнесеніи такого приговора должно участвовать все общество офицеровъ, и притомъ непосредственно, лично. Только такой приговоръ можетъ имѣть въ глазахъ судимаго полную нравственно-обязательную силу, и только такому приговору онъ не можетъ не подчиниться сознательно и безпрекословно. Въ принципѣ съ этимъ соглашаются и противники состава суда изъ всѣхъ офицеровъ части, потому что они не допускаютъ членовъ офицерскаго суда по назначенію или по старшинству чиновъ, но по выбору всего общества офицеровъ, признавая, что приговоръ этихъ выборныхъ лицъ и долженъ представлять приговоръ какъ бы всего офицерскаго общества. Въ существѣ же между тѣмъ и другимъ большая разница. Выборъ офицера въ члены суда выражаетъ только извѣстное довѣріе къ нему товарищей, но отнюдь не полную солидарность съ нимъ во взглядахъ и понятіяхъ...»

Проектируя организацію суда общества офицеровъ въ общемъ по типу «Положенія 1863» (совѣтъ посредниковъ и судъ общаго собранія офицеровъ), кн. Имеретинскій предполагалъ въ то же время весьма значительное расширеніе круга лицъ, подлежащихъ дѣйствію судовъ чести. Въ первомъ проектѣ (1884 года) этимъ судамъ предлагалось подчинить штабъ-офицеровъ, генераловъ и гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства. Впослѣдствіи вопросъ о подсудности генераловъ отпалъ «въ виду высокаго, изолированнаго положенія генераловъ въ Россіи»; отпалъ точно также вопросъ и о подчиненіи офицерскимъ судамъ военныхъ чиновниковъ. «При настоящемъ (въ 80-хъ гг.) положеніи у насъ военныхъ чиновниковъ едва-ли послѣдовательно установить правила о сужденіи ихъ въ судахъ общества офицеровъ» — разсуждали составители окончательнаго проекта (1885 г.). «На званіе чиновника и на носимый имъ мундиръ далеко не установилось такого взгляда въ военной средѣ, который давалъ бы основаніе заботиться объ охраненіи достоинства и чести этого званія, а равно и внѣшнихъ его признаковъ». Они считали несправедливымъ предъявлять къ воен-

нымъ чиновникамъ «тѣ же требованія къ поддержанію чести мундира и достоинства званія, а равно и связанныхъ исключительно съ этимъ правилъ доблести и благородства, которыя обязательны для корпуса офицеровъ», при этомъ примѣръ Германіи и Австріи, гдѣ иногда чиновники подлежатъ офицерскимъ судамъ чести, не былъ признанъ достаточно убѣдительнымъ, «ибо въ сихъ странахъ положеніе военныхъ чиновниковъ совершенно иное, чѣмъ у насъ». Впрочемъ, принципиально польза подчиненія гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства судамъ общества офицеровъ—не отвергалась.

Что касается подсудности штабъ-офицеровъ, то она считалась вполне желательною княземъ Имеретинскимъ и составителями проекта 1885 г.

«Такъ какъ нельзя отрицать возможности со стороны штабъ-офицеровъ такихъ поступковъ и дѣйствій, которые роняютъ достоинство офицерскаго званія и которые расходятся съ правилами нравственности и благородства, то, казалось бы, нѣтъ основаній дѣлать для нихъ въ семъ отношеніи какое-либо изъятіе». Обсужденіе проступковъ штабъ-офицеровъ, по мнѣнію объяснительной записки къ проекту, могло бы лишь въ томъ случаѣ умалить ихъ служебное достоинство и авторитетъ, если бы было допущено ихъ сужденіе въ томъ же судѣ, который установленъ и для оберъ-офицеровъ, т. е. если бы оберъ-офицеры были допущены къ суду надъ штабъ-офицерами. Поэтому для суда надъ штабъ-офицерами проектировался особый судъ—изъ «всѣхъ наличныхъ штабъ-офицеровъ, состоящихъ въ мѣстѣ нахождения окружнаго штаба, въ числѣ не менѣе 12-ти, подъ предѣлательствомъ генерала, назначаемого по усмотрѣнію командующаго войсками округа». Этотъ же судъ долженъ былъ явиться и апелляціонною инстанціею для оберъ-офицерскихъ судовъ.

Возникалъ, между прочимъ, и вопросъ о распространеніи вѣдомства суда общества офицеровъ на офицеровъ отставныхъ. По этому вопросу были высказаны не безынтересныя соображенія:

«Едва ли при учрежденіи суда общества офицеровъ имѣлось въ виду содѣйствовать поднятію уровня взглядовъ на честь и доблесть воинскаго званія среди отставныхъ. Подобная задача была бы излишня при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся офицеры, оставившіе службу, и, кромѣ того, осуществленіе ея на практикѣ представлялось бы крайне затруднительнымъ, потому что трудно вообще услѣдить за образомъ дѣйствій и поведеніемъ офицеровъ, не со-

стоящихъ на дѣйствительной службѣ, а также выяснитъ, какія съ ихъ стороны дѣйствія могутъ считаться настолько же предосудительными, насколько они признаются таковыми со стороны офицеровъ, состоящихъ на службѣ, для которыхъ строго обязательно соблюденіе правилъ и требованій, вытекающихъ изъ понятія корпоративной воинской чести, но совершенно теряющихъ значеніе въ обыденной жизни отставныхъ. Разница между корпусомъ офицеровъ, состоящихъ на службѣ, и между оставившими ее, хотя бы и съ воинскимъ званіемъ, доказывается уже и тѣмъ, что признанный виновнымъ въ поступкахъ, роняющихъ честь и достоинство офицерскаго званія, не лишается послѣдняго, а только удаляется изъ офицерской среды на общемъ основаніи увольненіемъ въ отставку. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не согласиться, что при охраненіи воинской чести и доблести офицерскаго званія не малое значеніе имѣетъ и охраненіе собственно чести мундира, какъ вѣшняго выраженія офицерскаго достоинства. А потому казалось бы возможнымъ и достаточнымъ распространить дѣйствіе суда общества офицеровъ на состоящихъ въ запасѣ и пользующихся правомъ ношенія или обязательно носящихъ офицерскій мундиръ».

Проектъ 1885 г., разосланный на заключеніе главныхъ начальниковъ военныхъ округовъ и корпусныхъ командировъ, не встрѣтилъ въ общемъ сочувствія большинства запрошенныхъ лицъ; были высказаны пожеланія остаться при прежнихъ порядкахъ, выставлялись отдѣльныя замѣчанія лишь по поводу тѣхъ или иныхъ частныхъ неудобствъ дѣйствовавшаго закона. Принципіальныхъ противниковъ суда общества офицеровъ среди военныхъ начальниковъ на этотъ разъ не оказалось.

Отзывы военныхъ начальниковъ на проектъ 1885 г. представляютъ не мало очень любопытныхъ сужденій и замѣчаній о разныхъ сторонахъ дѣятельности офицерскихъ судовъ того времени. Недостатокъ мѣста лишаетъ насъ возможности сдѣлать общій обзоръ и характеристику всѣхъ этихъ заключеній. Ограничимся лишь самыми существенными и оригинальными мнѣніями.

Суды общества офицеровъ въ той формѣ, въ какой они были учреждены въ 1863 г. и въ какой предлагались проектомъ, большинство признавало «мало соответствующими требованіямъ порядка и дисциплины». «Суды эти дѣйствуютъ съ небольшимъ успѣхомъ, съ нѣкоторымъ успѣхомъ они дѣйствуютъ лишь тамъ, гдѣ командиры руководятъ всѣмъ относящимся до дѣятельности офицерскаго суда»,—замѣчаетъ ген.-ад. Дрентельнъ. Съ другой сто-

роны, онъ считаетъ общеизвѣстнымъ, что «во многихъ, и надо прибавить, самыхъ именитыхъ, полкахъ положеніе о судѣ общества офицеровъ остается мертвой буквой: въ официальныхъ ежегодныхъ отчетахъ значится, что въ этихъ отдѣльныхъ частяхъ не было случаевъ, подвергавшихся разсмотрѣнію офицерскаго суда; а между тѣмъ въ этихъ именно полкахъ, въ которыхъ офицеры особенно строго относятся къ тому, что по преемственно сложившимся въ обществѣ офицеровъ полка понятіямъ считается предосудительнымъ,—не проходитъ года, чтобы одинъ, а иногда и нѣсколько офицеровъ, не были присуждены оставить полкъ по требованіямъ товарищей. Никакой организаціи для этого не существуетъ, видимаго разногласія не бываетъ, и дѣло подъ влияніемъ старшихъ товарищей, пользующихся большимъ авторитетомъ, рѣшается безапелляціонно и безъ всякой огласки. Командиру полка бываетъ все извѣстно, но изъ полка соръ не выносятъ, и дѣло остается тайною для всѣхъ, кромѣ офицеровъ полка».

Ген-ад. Свѣчинъ (командиръ 10-го армейскаго корпуса) находилъ, что «офицерскіе суды плохо привились въ нашей арміи, не составляютъ живой части ея организма, не возвысили понятія и чести въ арміи и не развили въ ней корпоративнаго духа».

Къ офицерскимъ судамъ внѣ полка (напримѣръ, къ штабъ-офицерскимъ, проектированнымъ по одному на округъ)—отношеніе давшихъ заключеніе лицъ въ общемъ вполне отрицательное: «офицерскій судъ можетъ имѣть значеніе только въ своей семьѣ ограниченной кружкомъ офицеровъ каждой отдѣльной части, или не болѣе, какъ семьей офицеровъ одного рода оружія, гдѣ существуютъ свои обычаи и понятія» (ген.-ад. Гурко).

Въ проектѣ, или вѣрнѣе въ объяснительной къ нему запискѣ, между прочимъ, высказывалось мнѣніе, что «суды общества офицеровъ должны руководствоваться не взглядами замкнутаго кружка офицеровъ какой-либо отдѣльной части, а разумнымъ взглядомъ, установившимся во всемъ корпусѣ офицеровъ». Это мнѣніе встрѣтило со стороны нѣкоторыхъ начальниковъ энергичныя возраженія: «если бы отъ офицерскаго суда, говорили они, дѣйствительно требовалось выраженіе взглядовъ корпуса офицеровъ всей арміи, то гораздо логичнѣе было бы составлять офицерскіе суды не въ каждомъ полку отдѣльно, а сборные, изъ представителей различныхъ частей, что устранило бы лицепріятіе, расчетъ на ускореніе вакансіоннаго производства и т. п. Однако, въ такомъ видѣ офицерскій судъ не существуетъ нигдѣ. Всюду понимаютъ, что

офицерскій судъ есть учрежденіе чисто корпоративное, принадлежащее не всей арміи, а каждой отдѣльной части; всюду сознаютъ, что полки арміи отнюдь не тождественныя единицы, отличающіяся только одеждою и обмундированіемъ, но суть коллективныя нравственныя особи, имѣющія, конечно, много общаго, какъ члены одной семьи, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляющія и ясно обозначенныя особенности—послѣдствіе ихъ исторической жизни. Можно опасаться поэтому, что то, что «записка» называетъ «мелочнымъ интересомъ кружка» въ дѣйствительности составляетъ индивидуальныя особенности полка, его духъ, его фізіономію. Стремиться къ уничтоженію всего этого, къ приведенію всѣхъ полковъ къ одному лицу, нивелировать ихъ,—было бы величайшею ошибкою, во-первыхъ, потому, что немыслимо въ большой арміи, комплектуемой изъ элементовъ столь разнородныхъ, добиться одного нравственнаго уровня; во-вторыхъ, потому—и это главное,—что, касаясь особенностей части, мы неминуемо разрушимъ ея нравственную индивидуальность, тотъ духъ ея, который связываетъ во едино отдѣльныхъ лицъ, привязываетъ ихъ къ своей части такую горячую привязанностью, о которой вдали отъ войскъ нельзя составить себѣ и представленія...»

Въ концѣ 1887 г. была, съ соизволенія Государя Императора Александра III, образована комисія изъ 17 членовъ военнаго вѣдомства, подъ предѣлательствомъ генераль-адъютанта Гурко, назначеніе которой было выработать окончательный текстъ новаго изданія Устава Дисциплинарнаго; вопросы, касающіеся судовъ общества офицеровъ, эта комисія рассмотрѣла въ трехъ засѣданіяхъ.

Предположеній о коренной переработкѣ дѣйствовавшего закона объ офицерскихъ судахъ чести при этомъ вовсе уже не возбуждалось; обсужденію и измѣненію подверглись лишь отдѣльныя статьи.

За двадцать одинъ годъ, протекшій со времени изданія въ 1888 г. нынѣшняго Устава Дисциплинарнаго, «Положеніе о судахъ общества офицеровъ» почти не подвергалось какимъ-либо измѣненіямъ. Надо лишь отмѣтить изданіе въ 1894 г. «Правилъ о порядкѣ разбирательства ссоръ въ офицерской средѣ» (такъ называемый законъ о поединкахъ), которыя составляютъ нынѣ приложеніе къ «Положенію» объ офицерскихъ судахъ (къ ст. 130 Уст. Дисц.).

Было бы не лишено интереса остановиться для сравненія на организаціи судовъ чести въ морскомъ вѣдомствѣ, но это вывело бы насъ за предѣлы поставленной себѣ задачи. Достаточно здѣсь отмѣтить, что во флотѣ, строго говоря, не существуетъ судовъ общества офицеровъ: у моряковъ по Положенію 1864 г. имѣлся судъ общаго собранія флагмановъ и капитановъ; по нынѣ дѣйствующему военно-морскому дисциплинарному уставу (кн. XVII Св. Мор. Пост.) судъ этотъ называется судомъ капитановъ. Онъ составляется при каждой флотской дивизіи (или отрядѣ) изъ всѣхъ наличныхъ командировъ экипажей, подъ предсѣдательствомъ младшаго флагмана. Для производства дознанія избирается оберъ-офицерами изъ своей среды совѣтъ посредниковъ, причемъ требуется, чтобы въ составъ этого совѣта входилъ непременно одинъ представитель отъ каждаго экипажа. Сверхъ того, совѣтъ иногда играетъ роль суда чести первой инстанціи, но окончательное рѣшеніе каждаго вопроса объ увольненіи въ отставку, или объ оправданіи обвиняемаго, принадлежитъ исключительно суду капитановъ. Суду капитановъ подвѣдомственны и офицеры корпуса инженеръ-механиковъ, и офицеры, числящіеся по адмиралтейству.

Какъ извѣстно, нынѣ дѣйствующее «Положеніе о судѣ общества офицеровъ» нашей арміи вновь вступило въ фазу пересмотра. Изложеніе сущности предполагаемой реформы и оцѣнка проектируемыхъ измѣненій существующаго порядка не входятъ въ цѣли настоящаго очерка.

Н. Вишняковъ.

